1
Государственная
ордена Ленина
БИБЛИОТЕКА
СССР
им. В. И. ЛЕНИНА

МУРЗИЛКА

N-9

Журнал ЦК ВЛКСМ
для школьников младших классов

СЕНТЯБРЬ
1948

h-49-1166
1-12
12р

С. МАРШАК

Рис. А. ШУГРИНА

В школе
Учись
И работай
В отряде.
Книг
Не марай
И не пачкай
Тетрадей.

Счёту
Учись
Перед классной доской
Строить
Учись
У себя в мастерской.

Государственная ордена Ленина БИБЛИОТЕКА СССР им. В. И. ЛЕНИНА
Н-49-1166
ХХ 63/11

Н. АРТЮХОВА *Рис. В. ВЕРЕЙСКОГО*

ПОДРУЖКИ

Валя Серебрякова и Маруся Ильина встретились, как всегда, у ворот и вместе пошли в школу. Синее, безоблачное небо над широкой улицей. В садах и на скверах — осеннее золото листьев. Девочки шли, крепко держась за руки; поэтому Маруся Ильина несла портфель в левой руке, а Валя Серебрякова — в правой.

А портфели были твёрдые, блестящие, с необмятыми краями, — казалось, что их долго и старательно утюжили мамы вместе с коричневыми платьями, белыми воротничками и чёрными фартуками девочек.

Валя Серебрякова громко читала вывески и надписи, которые попадались навстречу:

— Б-у-л-о-ч-н-а-я. П-е-р-е-х-о-д. С-о-си-с-к-и. Р-е-м-о-н-т о-б-у-ви. Зуб-ной врач...

Прошуршал по серому асфальту голубой блестящий троллейбус. Быстро промчался, а всё-таки Валя успела прочесть:

— К-у-р-с-к-и-й в-о-к. Б. Т-а-г-а-н-с-к-а-я п-л.

— Как ты хорошо читаешь! — сказала Маруся.

Валя ответила с гордостью:

— Я ещё в прошлом году научилась!

Маруся вздохнула:

— А я не умею такое трудное...

Все классы в школе были одинаковые, но самым лучшим, разумеется, был 1-й «А». Все учительницы в школе были разные. Самой лучшей, разумеется, была Ольга Андреевна.

Вот она вошла в класс, весёлая, молодая, приветливая, и сразу захотелось ответить ей как можно лучше.

Ольга Андреевна заглянула в журнал и сказала:

— Читай, Ильина.

Маруся покраснела, раскрыла букварь и начала читать, старательно, по буквам выговаривая каждое слово.

На пятой строчке запнулась и покраснела ещё больше.

Валя подняла руку. Тёмные глаза стали совсем круглыми, как будто выпрыгнуть хотели, и умоляли учительницу: «Меня, меня спросите!»

Ольга Андреевна улыбнулась:

— Серебрякова, дальше читай.

Захлёбываясь от удовольствия, Валя прочла всю страницу, от начала до конца, даже то, что ещё не было задано сегодня.

Ольга Андреевна опять улыбнулась и сказала:

— Хорошо.

Валя села за парту и радостно подумала: «Пятёрку поставит!»

На следующем уроке девочки писали.

Ольга Андреевна ходила по рядам и заглядывала в тетради.

— Ольга Андреевна, — сказала Валя, — вот у неё здесь ошибка. — Она ткнула пальцем в Марусину тетрадь. — Нужно «о», а она «а» написала.

Ольга Андреевна посмотрела на Валю, но почему-то не улыбнулась на этот раз.

— Конечно, «о», — сказала она. — Поправь, Маруся.

Маруся стала поправлять и от волнения посадила на трудном слове большую расплывчатую кляксу.

Последним был урок арифметики.

Ольга Андреевна вызвала Марусю решать задачу.

Тонкие Марусины пальцы, постукивая мелом, нерешительно продвигались по чёрной доске. Маруся написала знак равенства и задумалась.

— Девять! — крикнула Валя.

Светлана Николаева с передней парты обернулась. Лицо у неё было сердитое.

Может быть, ей обидно стало, что не она первая решила задачу? Ведь по арифметике Светлана сильнее всех в классе...

Ольга Андреевна сказала строго:

— Молчи, Серебрякова.

Маруся стояла, не поднимая глаз, и беззвучно шевелила губами. Потом вздохнула тяжело и написала: 9.

Медленно вернулась за свою парту и села рядом с Валей.

Урок кончился. Девочки закрывали учебники и тетради. Женя Волкова сказала соседке:

— Нюра, у тебя сейчас заколка выскочит.

Нюра Иванова только недавно стала отпускать косу. А волосы у неё были прямые и жёсткие. Заколки и ленточки подбирали за ней всем классом.

Про неё говорили, что если бы она в лесу заблудилась, как мальчик-с-пальчик, дорогу домой найти было бы очень легко.

Нюра нагнулась поднять заколку и громко сказала:

— Не люблю, когда выскакивают. — И в упор посмотрела на Валю.

Валя так и не поняла, про кого сказала Нюра. Про заколку?

— И я не люблю, когда выскакивают, — подтвердила Женя Волкова. Но ведь она-то никогда не теряла заколок!

— Я тоже не люблю, — сказала Светлана Николаева.

А у Светланы длинные косы и ни одной заколки в волосах.

Валя Серебрякова и Маруся Ильина возвращались домой из школы.

Валя несла портфель в правой руке, и Маруся тоже в правой. Обе левые руки были свободны — девочки шли не за руку, а каждая сама по себе.

Маруся шла грустная, не поднимая глаз.

Вале тоже было невесело.

Золотые буквы горели над дверями магазинов — Валя не обращала на них внимания. Проезжали мимо нарядные голубые троллейбусы — Валя не читала номера и надписи.

Девочки молча вошли во двор и повернули — одна направо, другая налево.

Мама спросила Валю:

— Ну, как дела?

— Пятёрка по чтению, — мрачно ответила Валя.

Утром мама расчёсывала короткие курчавые Валины волосы и завязывала бант потуже, а Валя терпела и морщилась.

— Собирайся, Валя, — сказала мама. — Вон подружка твоя уже тебя поджидает.

Валя бросилась к окну.

У ворот мелькнули светлые косички и знакомое серенькое пальто в клетку. Нет,

Маруся не ждала. Она поспешно вышла на улицу, даже не взглянув на Валины окна.

Валя сбежала с лестницы.

Не догнать! Маруся уже на углу стоит, собирается переходить.

Валя знала по себе, что переходить улицу одной страшновато: уж очень она широкая. Сегодня, впрочем, Валя беспокоилась не за себя, а за Марусю. Улица такая большая, а Маруся такая маленькая, да ещё торопится. Когда Валя вошла в класс, Маруся уже сидела за партой и разбирала свои тетрадки.

— Здравствуй, — сказала Валя.

Валя сказала: «здравствуй», а Маруся ясно услышала: «не сердись».

— Здравствуй, — не поднимая глаз, ответила Маруся.

А Валя в этом «здравствуй» услышала совсем другие слова: «обидела ты меня». В самом начале урока Ольга Андреевна спросила:

— Ну-ка, девочки, кто сегодня выучил хорошо и может прочесть до конца всю страницу?

Валина рука сама взлетела над партой и сама сейчас же опустилась. Валя увидела, что Маруся тоже поднимает руку, правда, совсем ещё невысоко, робко и нерешительно. Из всех рук в классе Ольга Андреевна выбрала именно эту, самую медленную руку. Маруся читала гораздо лучше, чем вчера, прямо, должно быть, наизусть выучила. Только она слишком торопилась, как будто боялась, что её перебьют, не дадут договорить. От этой спешки перепутала строчки в самом конце — вместо одного слова прочла другое — и остановилась, смущённая.

Вале так хотелось поправить, что она обеими ладонями зажала себе рот. Удержалась всё-таки.

Ольга Андреевна улыбнулась чуть-чуть и сказала:

— Не спеши, Маруся, подумай и скажешь правильно.

Маруся подумала и очень хорошо, с выражением даже, прочла последние две строчки.

— Молодец! — похвалила Ольга Андреевна.

А Валя залепетала:

— Пятёрку тебе поставила, пятёрку, я видела!

Девочки возвращались домой, крепко держась за руки.

Это был удивительный день. Совсем не жалко и не грустно было смотреть, как облетают осенние листья.

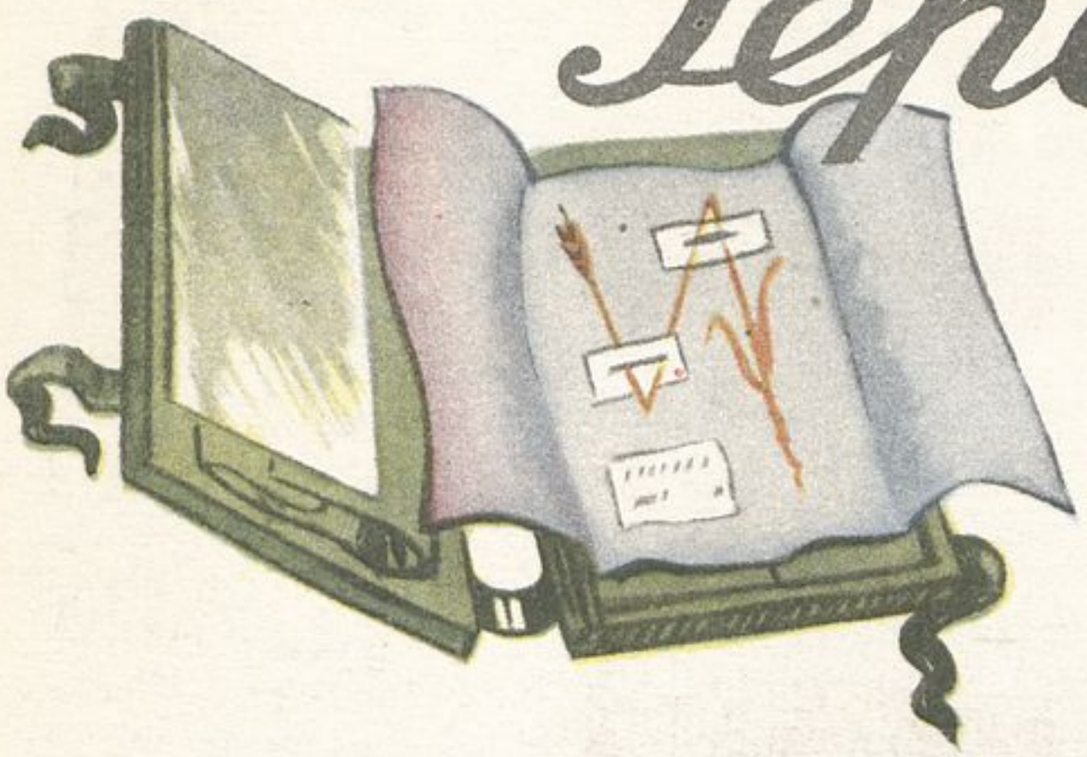
Маруся и Валя шли медленно и останавливались около каждой вывески.

Сначала Маруся называла буквы, потом Валя говорила всё слово целиком.

А когда дошли до угла и остановились в ожидании зелёного света, Маруся посмотрела на жёлтую стрелку, пошевелила губами... и вдруг прочла громко и радостно, не по буквам уже, а сразу всё слово:

— Пе-ре-ход!

Гербарий



ВЯЧ. ЛЕБЕДЕВ

Рис. Т. РЕЙН

Вот и кончилось лето... Уже два-три жёлтых листочка попали Серёже под ногу на тротуаре, когда он шёл в школу. И день был немного пасмурный. И хотя рад был Серёжа, что сейчас снова увидится с товарищами, но было и грустно ему чуть-чуть.

Жалко было ему, что лето прошло, а он не выполнил своего весеннего обещания. Он шёл и вспоминал, как это было.

— Сколько нам гулять, Анна Павловна? — спросил тогда Серёжа учительницу.

— Сосчитай сам, ведь ты же отличник, — сказала она. — Занятия начнутся первого сентября.

— Целых сто три дня гулять! — захлопал Серёжа в ладоши.

— А что ты сделаешь за эти сто три дня? — спросила учительница. — Неужели только и будешь всё гулять?

Серёжа задумался.

— Нет! — ответил он. — Я буду собирать цветы... Как это называется — ге... ге...

— Гербарий, — подсказала учительница. — Что же, очень хорошая мысль. Молодец, Серёжа!

— Я соберу тысячу разных цветов, — похвалился Серёжа.

Учительница улыбнулась и покачала головой.

— Если ты сто три цветка соберёшь за каникулы, за сто три дня, и то будет очень хорошо, — сказала она. — Это не такое простое дело.

— Нет, я тысячу соберу... — упрямо повторил Серёжа при всём классе, при всех товарищах.

И вот он шёл сейчас в класс, нёс в портфельчике свой гербарий, целую общую тетрадь, распухшую от наклеенных цветов. Но было в этом гербарии не тысяча цветов, как он обещал, и даже не сто три хотя бы, а всего-навсего пятьдесят три цветка.

«Вот так осрамился, — печально размышлял Серёжа. — Вместо тысячи-то... всего пять-де-сят три... Засмеют, застыдят и ребята и Анна Павловна за хвастовство».

Всё лето собирал он цветы в окрестностях дачи. Бродил и по лугам и по лесам, а собрал всё-таки только пятьдесят три цветка.

Сначала было легко собирать: на краси-

вом цветущем лугу он сразу, в один день, набрал штук пятнадцать разных цветов: огромную белую ромашку с длинными широкими лепестками, и пышный, красивый стебель с семью крупными синими колокольчиками, и розовый лохматый горицвет, и тёмнокрасную клейкую смолёвку, и пушистый алый татарник на колючей высокой ножке, и кашку, розовую и белую, которую иначе называют «тысячелист», и подорожник с бледнорозовой метёлочкой, похожий на зубную щётку, и сладкую медуницу: вынешь цветок из гнёздышка, пососёшь—сладко; и светлолиловый вербейник на длинном и крепком, словно проволочном, стебле, и златоцвет, и голубую, на ёлочку похожую веронику, и уж, конечно, одуванчик.

В тот же день, поближе к речке, в низинке, нашёл он чудесные незабудки и золотые шарики купальницы, а когда купался, сорвал чашечку водокраса: белый такой цветок, словно звезда по воде плывёт, с девятью лепестками.

На следующий день уже меньше собрал он цветов, и дольше пришлось их искать. Нашёл чистотел, выделяющий оранжевый сок, как только сорвёшь его. Нашёл зверобой с листочками, словно прошитыми на швейной машинке: ровный ряд дырочек на каждом листочке. Наткнулся на ещё молодой, не весь распустившийся, высокий стебель иван-чая, который иначе зовут «пастушья сумка». Алые цветочки с длинными тычинками были очень красивы, но пучок их соцветия был такой большой, что едва уместился на листе тетради. Страшно обрадовался Серёжа, когда на опушке леса увидел красные звёздочки дикой гвоздики, усатый, на горох похожий донник, иначе называемый мышиным горошком, и высокие стебли «борца аконита» с большими синими цветами, похожими на шлемы рыцарей.

А когда подальше в лес углубился, нашёл и душистые бубенчики ландыша, и ещё более душистую «ночную красавицу» с белыми, словно игольчатыми цветами, и огромные лесные колокольчики, совсем не похожие на колокольчики луговые, и лиловые цветы вереска...

Но дальше пошло всё хуже и хуже. Ходил он, бродил, а попадались всё такие цветы, какие уже были наклеены в его тетради.

Как ястреб, набросился он на первый же замеченный им василёк на краю колосящегося ржаного поля.

Зацвела жёлтыми столиками пижма — луговая рябинка; он взял и её. Не пропустил и зубчатолистый серпух с цветами, похожими на папи-

ну кисточку для бритья, только малинового цвета...

И всё-таки, всё-таки ещё и до пятидесяти не удавалось дотянуть Серёже. Он даже в конце концов на маленькую хитрость пустился: взял несколько цветочков из дачного садового цветника, с клумб: анютин глазок один, да маргаритку, да две настурции, да ноготок... Взял их, с горя, да тоже и вклеил в тетрадь.

И ещё цветок мака сорвал на огороде и тоже вклеил: цветок ведь, как бы то ни было!

Вот только после всего этого и получилось у него пятьдесят три цветка.

И вот он в классе. Ребята, товарищи, конечно, и забыли про его обещание. Шум, гам, хохот, борьба.

Но вот вошла в класс учительница Анна Павловна. Поздравила с новым учебным годом, с четвёртым классом. Ребята уселись. Начался урок.

Взгляд Анны Павловны остановился на Серёже. Как же, ведь он отличник.

— Ну, Серёжа, — с ласковой улыбкой сказала учительница, — собрал ты за лето тысячу цветов?

Серёжа покраснел, как тот цветок мака, который он вклеил в свою тетрадь.

— Нет... — пролепетал он, качая головой.

— И сто три не собрал? — всё так же ласково спросила Анна Павловна.

Серёжа молчал, чувствуя, что вот сейчас слёзы потекут по его багровому лицу.

— Пятьдесят три... — выпалил он.

— А принёс или нет? Покажи.

Серёжа молча, кусая губы, достал свой гербарий и протянул учительнице.

Она перелистала все пятьдесят три страницы. Дойдя до настурций, учительница засмеялась. Засмеялся и класс.

Но Анна Павловна подняла руку:

— Тише... Смеяться нечего... Серёжа, видно, всё же поработал. Тут есть много цветов, которые нелегко было найти... Но вот что я хочу спросить тебя, Серёжа... Где у тебя цветы пшеницы, ржи, овса? Где цветы липы, клёна, лесного ореха? Где цветы льна, вики, гречихи? Где цветочки черники, брусники, смородины? Ты собирал яркие, бросающиеся в глаза цветы сорняков, но забыл, что многие полезные растения имеют очень скромные, малозаметные цветы, но их очень важно знать человеку...

Помолчав, она продолжала:

— Если ты спутаешь «вороний глаз» с дикой мальвой, беды особой не будет... А вот если не сумеешь отличить рожь от пшеницы или овёс от ячменя — это будет уже досадно... И если бы ты собирал не только пышные, пёстрые, яркие цветы, а и все скромные, незаметные цветочки полезных растений, конечно, твой гербарий не убрался бы даже в две такие толстые тетради... Запомни это для будущего, Серёжа. А за этот гербарий всё-таки спасибо тебе от четвёртого класса. Он сослужит нам свою службу.

Н. ЕМЕЛЬЯНОВА *Рис. В. ВЫСОЦКОГО*

О Ш И Б К А

Осенью моего отца уволили с фабрики. Мы переехали из Москвы в Воронеж, и я опоздала поступить в приготовительный класс.

Чтобы не пропускать год, меня стали готовить к экзамену в первый класс. Зимою мама учила меня писать. А за два месяца до экзамена со мной стала заниматься учительница Александра Доримедонтовна.

Александра Доримедонтовна жила на нашем дворе, в маленьком флигеле.

Когда она пришла к нам в первый раз, мама сказала:

— Вы с ней построже. Если будет баловаться, скажите мне.

— Нет, зачем же! Мы сами справимся, — ответила учительница и, когда мама ушла, сказала: — Прочитай мне любимые твои стихи.

Я стала читать «По синим волнам океана...»

Она дослушала до конца.

— Я их тоже люблю. Только спешишь, спешишь... Прочти ещё раз.

И стала останавливать меня на каждой фразе и объяснять, почему я читаю неверно. От этого мне стало скучно. За окном

видны были зеленеющие ветки деревьев. Я попробовала покачаться на стуле.

— Не качайся на стуле, — остановила меня Александра Доримедонтовна, — не будь рассеянной. Возьми тетрадку, мы напишем диктант. — И стала диктовать: — «Люблю грозу в начале мая...» Написала?

Слово «гроза» она произнесла так, что было непонятно, какая буква: «о» или «а» стоит в середине. Но я помнила, как это слово пишется в книгах.

Так Александра Доримедонтовна продиктовала мне четыре фразы. Потом взяла у меня тетрадку и стала читать, медленно произнося слова.

— Почему ты написала «гроза» через «о», а не через «а»?

— Так красивее, — ответила я.

— Написала ты правильно, но правильно писать надо не потому, что это кажется тебе красивым. Надо подумать, почему пишутся слова именно так. Почему ты написала «в начале» двумя словами?

— Не знаю, — ответила я.

— А ты видела, читая книжки, что иногда «вначале» пишется вместе, одним словом? Подумай!

Думать мне не хотелось: всё равно ведь я и без раздумья напишу правильно. Когда вошла мама, учительница сказала:

— Замечательная зрительная память, пишет совсем без ошибок. Но нет привычки думать. Рассеивается, смотрит по сторонам. И грамматики не знает.

Когда Александра Доримедонтовна ушла, мама спросила:

— Ну, как вы занимались?

— Немножко скучно было, — сказала я.

После урока я пошла гулять во двор. Мальчики и девочки играли в лапту и позвали меня. Сынишка дворника, Санька, спросил:

— Ну, много ты там научила?

— Я пишу, как большая, без ошибок, — сказала я. — У меня замечательная зрительная память. Сама учительница сказала.

— А ещё чего она сказала?

Но о том, что еще сказала учительница, я умолчала.

Государственная ордена Ленина БИБЛИОТЕКА СССР им. В. И. ЛЕНИНА

Санька засмеялся и закричал так, чтобы Александра Доримедонтовна услышала в своей комнате через открытое окно:

— Она всему уже выучилась. Она больше учительницы знает!

И все ребята засмеялись. Я обиделась на них и ушла домой.

В следующий раз я спросила Александру Доримедонтовну:

— А зачем надо учить грамматику?

— Чтобы писать правильно.

— Я и так пишу правильно.

— Ты думаешь, что грамматика тебе не нужна? Ты и так всё знаешь?

Я кивнула головой.

— Ну нет, — ответила она: — твоё знание ещё самое-самое маленькое знание. Грамматику надо знать, чтобы быть грамотным человеком. И главное — надо думать над каждым словом, почему оно пишется так, а не по-другому. Тогда не ошибёшься.

— Я и так не ошибусь.

— Посмотрим! — улыбнулась учительница.

Но я и на самом деле ошибалась редко. В то время, когда я училась, у нас в азбуке были две буквы: «е» и «ять». Они произносились одинаково: «е», но одни слова писались через «е», а другие—через «ять». Запомнить это было не очень просто. Мне помогала в этом моя хорошая память. Когда я читала, то легко запоминала, как пишется каждое слово.

Когда мне случалось сделать ошибку, я говорила Александре Доримедонтовне:

— Я знаю, как писать, только на минутку забыла. Ошибка вышла нечаянно.

— Ошибок никто не делает нарочно. Все ошибки делаются нечаянно. Думай, когда пишешь, а ты разойдёшься и летишь без оглядки, не думая. — Она говорила серьезно, но глаза её смеялись.

До экзамена оставался месяц. Каждый вечер мама спрашивала, выучила ли я заданные мне уроки. Она боялась: вдруг я не выдержу экзамен в первый класс? До революции в школу за учение надо было платить, а отец зарабатывал немного.

Но я уже полюбила наши занятия с Александрой Доримедонтовной и старалась учиться. После уроков я бежала во двор и рассказывала девочкам:

— Меня сегодня Александра Доримедонтовна похвалила. Не веришь — спроси у мамы. Вот сколько я выучила! — И читала им наизусть «Песню о вещем Олеге».

Наконец меня повели в прогимназию держать экзамен в первый класс.

В большом белом зале висела в углу тяжёлая икона в золочёной ризе. Паркетный пол блестел квадратиками. Из зала в коридор, мимо портрета царя, навстречу мне шла прямая женщина в синем платье с высоким воротником.

Я пробежала мимо неё и поскользнулась на блестящем натёртом полу. Быстрым и жёстким движением она схватила меня за руку.

— Девочка, — сказала она строго, — ты не дома и не на улице. — Она смотрела холодно и недружелюбно. Сердце у меня сжалось.

«Неужели она будет учить нас?» подумала я со страхом. Мне вспомнилась строгая и добрая Александра Доримедонтовна. Да,

видно, в школе не всё будет радостно и весело.

Первый экзамен по русскому устному языку я выдержала отлично. Даже с грамматикой обошлось хорошо.

Потом в большом зале посадили за парты двадцать девочек с заплетёнными косичками и с чисто вымытыми ушами и руками. Перед нами положили листочки линованной в косую полоску бумаги.

Учитель вышел к столу перед партами и начал диктовать сухим, скрипучим голосом:

— «Липа — прекрасное дерево нашей средней полосы. Ли-па — пре-крас-ное де-ре-во...» Написали?

Слова были такие лёгкие, они так хорошо писались на бумаге, словно сами собой. Как говорила Александра Доримедонтовна, я «разошлась» и не думала, как и что пишу.

Учитель диктовал дальше:

— «Из ли-пы де-ла-ют-ся раз-ны-е кра-си-вы-е по-дел-ки...» Написали?

Когда диктант кончился, у нас отобрали тетрадки и отпустили домой. Девочки боялись, что наделали ошибок, и наперебой спрашивали друг друга:

— Как ты написала «делаются» — через «е» или через «ять»?

Слово «делаются» писали в то время так: «дѣлаются». Я шла, подпрыгивая, домой, потому что ни в одном таком слове я не написала «е» вместо «ять».

Во дворе меня встретила Александра Доримедонтовна.

— Ну как? — спросила она.

— Всё написала верно, — ответила я весело. — И «ять» везде верно поставила и мягкий знак... А по устному я читала рассказ Толстого «Булька». А наизусть говорила...

— Погоди, погоди, — остановила меня учительница, — скажи мне диктант по слогам.

— «Ли-па — пре-крас-ное де-ре-во...» — начала я. — «Прекрасное» написала через «е».

— Почему?

— Так! — Я спешила уверить Александру Доримедонтовну, что не сделала никакой ошибки.

— «...Из липы делаются разные красивые подделки...» «Делаются» написала через «ять», «подделки»...

— Постой-ка, ты говоришь — «подделки»?

Я кивнула.

— Но ведь совсем не «подделки», а «поделки». Ничего из липы не подделывают, а поделок из неё действительно много. Не надо было писать два «д». Вот ты и сделала ошибку.

Соседние девочки и мальчики стояли вокруг и слушали.

— Вот так замечательная зрительная память! А еще хвасталась! — крикнул Санька.

— Ну, память памятью, а думать надо было. Сама виновата, — сказала учительница.

В первый класс меня всё-таки приняли. Когда я прибежала домой с радостной вестью, мама повела меня к Александре Доримедонтовне. В комнатке у неё было много цветов и книг.

— Большое вам спасибо за дочку, — сказала мама.

— Ну что вы! — улыбнулась учительница. — А всё-таки ошибку она сделала.

— Только одну ведь, — сказала я.

— И одной ошибкой можно испортить весь диктант,—ответила Александра Доримедонтовна. — Иногда одна ошибка меняет всю жизнь. Но это тебе ещё не страшно. Беги, играй.

Подвиг комсомольца

Рис. В. ЩЕГЛОВА

Шёл бой с немцами за деревню Чернушки. Бойцы рвались вперёд, но неожиданно пулемётный огонь из неприятельского дзота преградил им дорогу. Обжигающие струи свинца прижали автоматчиков к холодной земле.

Немецкий дзот стоял на возвышенности. Трудно было подойти к нему скрытно. Несколько наших товарищей-автоматчиков попытались было вырваться вперёд, но к дзоту нельзя было подобраться. Тогда к вражескому укреплению кинулся комсомолец

Александра Матросова

Матросов. Он бросился на амбразуру и прикрыл её своим телом.

Комсомолец Александр Матросов шёл на смерть, чтобы спасти жизнь своим товарищам, чтобы проложить путь роте, чтобы выполнить боевой приказ. Это он обеспечил успех наступления, и все бойцы и командиры, видя перед собой бессмертный образ героя, устремились вперёд.

Из воспоминаний боевых товарищей Александра Матросова

Е. ИЛЬИНА

Рис. В. СУТЕЕВА

Сказка про вчерашний день

Жил-был мальчик Серёжа. На столе у него стояли часы — будильник, а на стенке висел толстый отрывной календарь. Часы показывали часы и минуты, день и ночь говорили своё «тик-так», «тик-так», а календарь показывал не часы и минуты, а месяцы и дни, и молчал.

Но вот как-то раз говорит календарь часам:

— Нынче уже двенадцатое декабря, воскресенье, а Серёжа-то за уроки ещё и не принимался.

— Так-так, — сказали часы. — Уже скоро вечер, а он всё ещё где-то бегает. Время-то летит...

Вот набегался Серёжа, пришёл весь в снегу. Снял пальто, валенки и сел уроки делать, а за окном уже темно. Глаза слипаются. Буквы по странице бегают, как муравьи. Положил Серёжа голову на стол, а часы ему говорят:

— Тик-так, тик-так... Сколько часов прогулял, сколько часов проспал... Посмотри на календарь. Время-то летит...

Посмотрел Серёжа на календарь, а на листке календаря уже не воскресенье, а понедельник, и уже не двенадцатое декабря, а тринадцатое.

— Целый день потерял, — говорит календарь, — целый день!

— Что потеряно, то найти можно, — отвечает Серёжа.

— А вот попробуй, поищи вчерашний день.

— И попробую, — говорит Серёжа.

Только он это сказал, что-то подняло его, и очутился он на улице. А на улице ещё светло, как днём, только не поймёшь, утро это или вечер. По мостовой туда и сюда бегут люди. Прижался Серёжа к стене дома, оглянулся — и видит, что это не дом, а только стена кирпичная. Каменщики укладывают кирпичи, стена растёт, растёт, и каменщики тоже поднимаются всё выше и выше. Чуть ли не до самых облаков доросла стена.

Закинул голову Серёжа и кричит:

— Дяденьки! Не видать ли вам сверху, куда вчерашний день ушёл?

— Вчерашний день? — кричат ему в ответ каменщики. — Мы его ещё позавчера перегнали, а завтрашний нынче обгоняем.

«Вот чудеса! — думает Серёжа. — Как же это можно завтрашний день обогнать?»

И вдруг видит — мама идёт.

— Мама, — говорит Серёжа, — где бы мне вчерашний день найти?

— А зачем он тебе? — спрашивает мама.

— Я его как-то нечаянно потерял, — говорит Серёжа. — Только ты не беспокойся, я его найду.

— Вряд ли найдёшь, — говорит мама. — Вчерашнего дня нет, а есть только его след.

И тут же на панели, прямо на снегу, разостлалась серебристая ткань с красными цветами. Вся улица покрылась пёстрым ковром.

— Это мы на фабрике за вчерашний день соткали, — говорит мама.

Хотел Серёжа разглядеть цветок получше, как вдруг ковёр зашевелился, концы его поднялись, и Серёжа увидел перед собой не ковёр, а настоящий самолёт с серебряными крыльями. Смотрит Серёжа — и цветы уже не цветы, а красные пятиконечные звёзды. Так и горят на крыльях!

И вот Серёжа уже сидит рядом с лётчиком. А на груди у лётчика золотая звёздочка.

— Товарищ лётчик! — говорит Серёжа. — Вот хорошо, что вы меня на самолёт взяли! Давайте вчерашний день догоним. Часы говорят, что время летит, а мы ещё быстрей полетим.

— Как бы ты быстро ни летел, а вчерашний день не догонишь, — говорит лётчик: — его вчера ловить надо было.

Завёл он мотор, самолёт набрал высоту, и земля осталась далеко-далеко внизу.

Посмотрел Серёжа в окошко, видит — плывёт, догоняет их облачко, а на облачке стоит будильник.

— Дин-дилинь, — смеётся будильник. — Куда летишь, мальчик?

— Вчерашний день ищу! — отвечает Серёжа.

— Кто вчерашний день ищет, сегодняшний теряет, — говорит будильник.

— Как так? — спрашивает Серёжа.

— Так-так, — отвечает будильник.

И вдруг видит Серёжа: облачко уже не облачко, а календарь, и на нём уже не тринадцатое декабря, а четырнадцатое, и не понедельник, а вторник.

— Вторник! — так и ахнул Серёжа. — А как же школа? Я два дня пропустил.

Тут в самолёте что-то стукнуло, самолёт завертелся, Серёжа вскрикнул и открыл глаза.

Над ним стояла мама.

— Что с тобой, сынок? — спросила она. — Ты чего испугался?

— А какой сегодня день? — спрашивает Серёжа.

— Воскресенье.

— А число?

— Двенадцатое.

— А час?

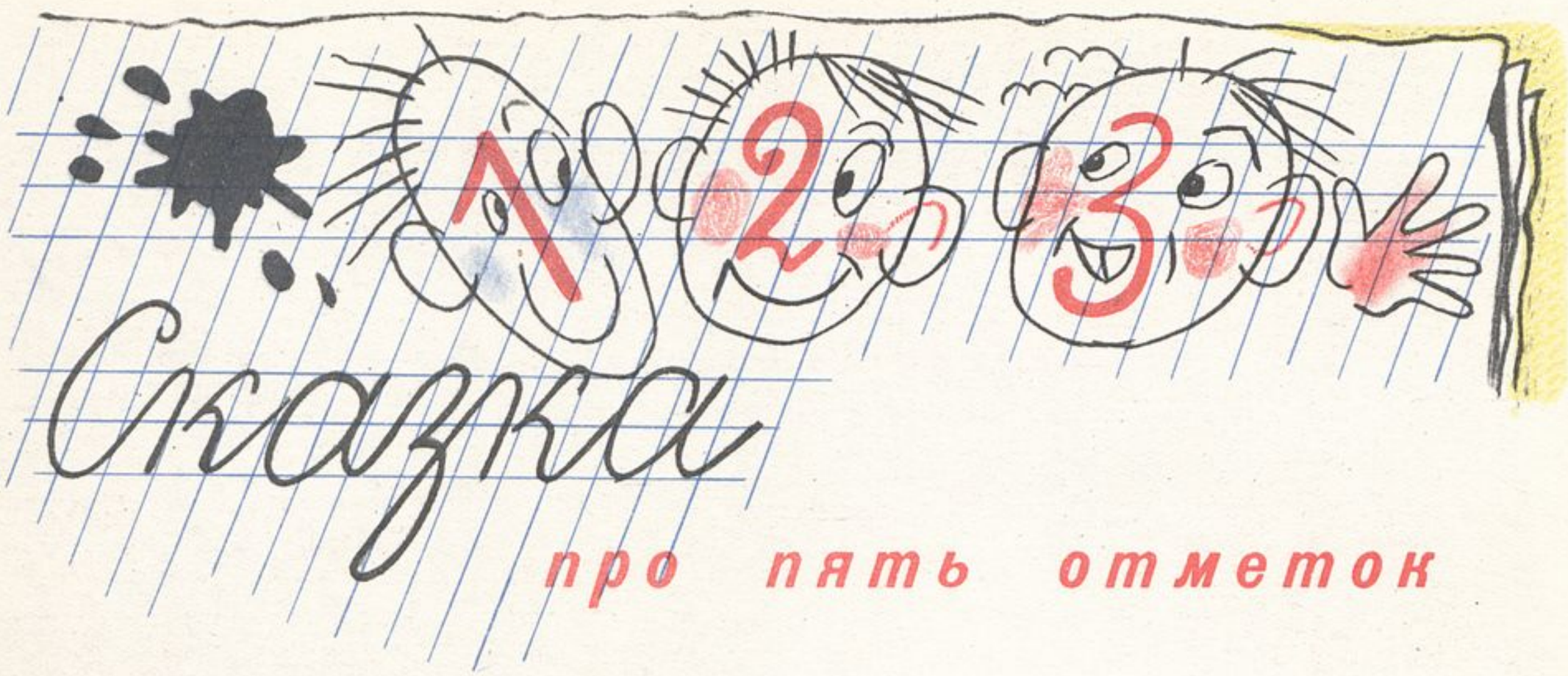
— Девятый. Ужинать пора и спать.

— Вот хорошо! — говорит Серёжа. — Значит, я ещё не совсем потерял вчерашний день, то есть сегодняшний?

— Почти потерял, — говорит мама. — Ну, да уж ладно. Догоняй его, пока он и вправду не стал вчерашним. Да смотри, в другой раз не теряй времени даром.

— Так-так, — сказали часы.

Календарь ничего не сказал, но думал то же самое. Это был очень умный отрывной календарь. Он много знал, да помалкивал.



Сказки про пять отметок

Е. ИЛЬИНА *Рис. В. СУТЕЕВА*

Жили-были Пятёрка с Четвёркой и Тройка. И были Двойка с Единицей.

Вот как-то раз говорит Двойка Единице:

— Очень уж гордая эта Пятёрка. Воображает, что старше и больше всех. А ведь если нас с тобой сложить да ещё Тройку прибавить, целая Шестёрка получится. Ещё больше Пятёрки.

— На целую единицу больше, — говорит Единица. — К тому же и заработать нас легче. Приготовь урок кое-как — Тройку заработаешь, плохо — Двойку, а совсем не приготовь — Единицу. И работать не надо, и заработаешь. Плохо только, что Тройка с нами знаться не хочет. «Не хочу, — говорит, — с неучами дружить». А сама больно учёная. Серединка на половинку!

Так судили-рядили Двойка с Единицей, а Пятёрка с Четвёркой тем временем в школу пошли. И Тройка за ними. Спохватились Двойка с Единицей и тоже побежали следом.

Пятёрку с Четвёркой сразу пропустили в класс — они всюду желанные гости, Тройка в щёлочку пролезла, а уж за её спиной и Двойка с Единицей прошли.

Вот начался диктант. Стала учительница диктовать. Старательно мальчики пишут, буква к букве. А один ученик — хороший ученик, отличник — не расслышал, не подумал и не то слово написал. Надо было написать: «Девочка ловила бабочку сачком». А он написал: «Девочка ловила бабушку сачком».

Пошла учительница по рядам, заглянула в его тетрадку и говорит:

— Внимательней слушай. Из-за небрежности уже к Четвёрке спустился.

Обрадовалась Двойка и шепчет Единице:

— Слышишь? От Четвёрки недалеко и до Тройки. А там, глядишь, и до нас с тобой докатится.

— Это уж ясно, — говорит Единица. — Где вниманья да старанья мало, там всегда для нас лазейка найдётся.

И стали Двойка с Единицей такие лазейки искать.

Подкрались к одному мальчику, а к нему и не подступишься. Хотели к нему в тетрадку пробраться. Да куда там! Буквы — как на параде стоят: все в одну сторону смотрят, ровные, прямые, аккуратные. Испугались Двойка с Единицей, назад попятились.

Подкрались к другому мальчику, а он одно слово поймает, второе мимо ушей пропустит.

Единица и говорит Двойке:

— За этим смотри в оба. Этот троечник скоро будет двоечником.

Подкрались к третьему, а третий в окошко смотрит, ворон считает.

— Не зевай, Единичка! — говорит Двойка. — Этот и мне не нужен. Себе забирай.

И полезли Двойка с Единицей в тетрадки к ротозеям. А ротозеи и хорошим ученикам слушать мешают — шумят, болтают, в чужие тетрадки заглядывают.

Видят Четвёрка с Пятёркой — дело плохо. За целый урок только два мальчика Четвёрку получили, а Пятёрку — совсем никто.

— Что будем делать? — говорят они. — Выживают нас Двойка с Единицей.

А Двойка с Единицей радуются —Двойка на своих на двоих пляшет, а Единица на одной ножке подпрыгивает.

Да недолго они радовались. Взялись ребята за ум.

— Что нам с этими колами делать? — говорят. — Печку топить, что ли? Или частокол строить?

Сговорились они хорошо уроки делать, слушать внимательно, писать старательно.

Вот прошло немного времени, а уж в этом классе не только Двойке с Единицей, а и Тройке места не осталось.

— Пропало наше дело! — говорит Двойка. — Пойдем-ка, сестрица Единица, в другой класс, где любят нас. Авось, оттуда не прогонят.

Взялись они за руки и ушли.

Говорят, Тройка ещё нашла себе спокойное местечко — в углу за печкой, а Двойку с Единицей с той поры больше и не видывали.

Сгинули, пропали, как будто и не бывали.

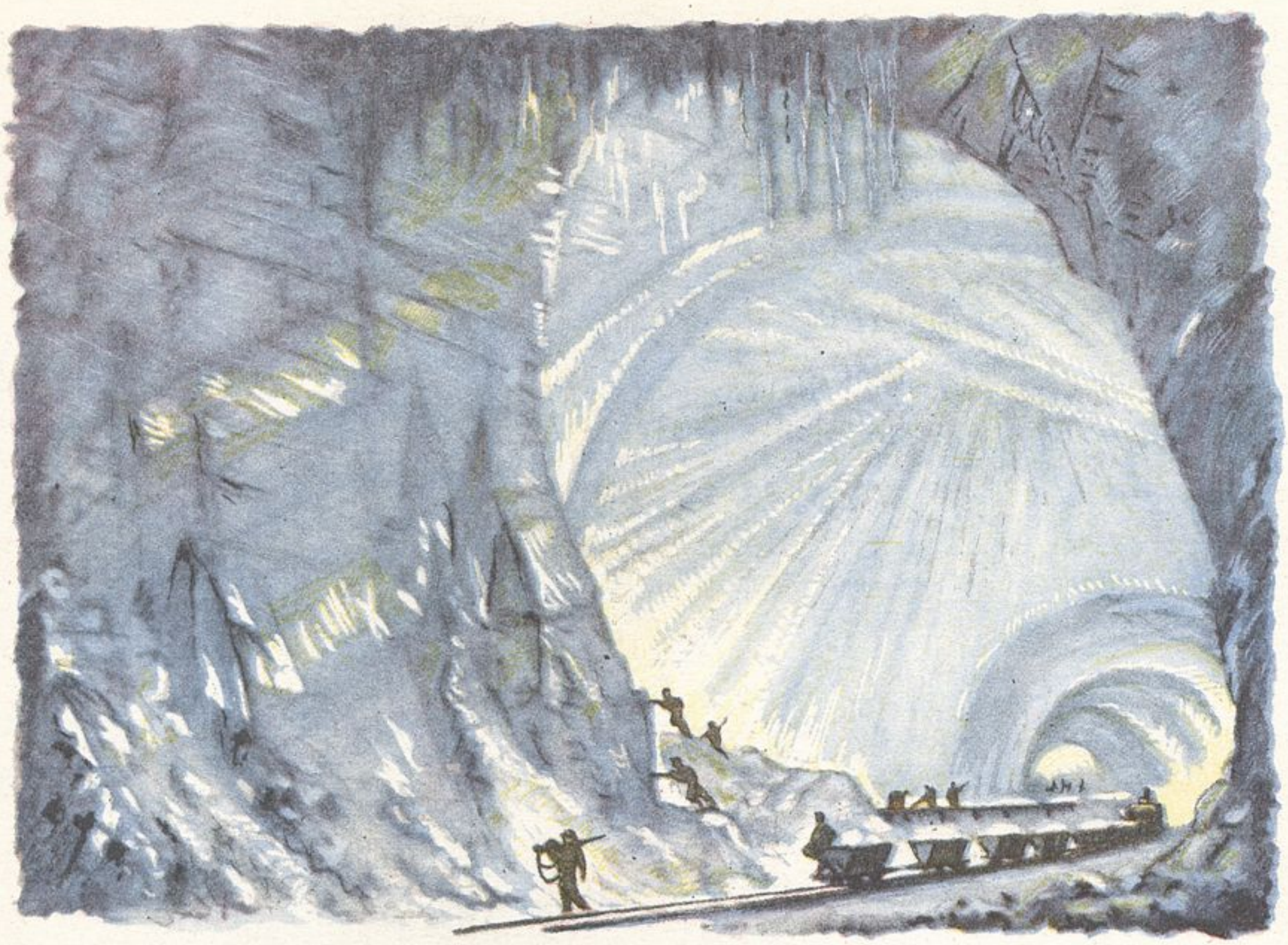


Рис. В. БИБИКОВА

ВАЛЕНТИНА СТРУКОВА
ВЛАДИМИР ШЕВЧЕНКО

ПОДАРОК ВЕЛИКАНОВ

Мы ехали в Закарпатскую Украину, в город Рахов. Поезд пришёл туда на рассвете, в день весеннего народного праздника.

Как только из-за гор показался краешек солнца, началось веселье. По всему городу девушки пели забавные «коломыйки» — короткие бойкие песенки вроде частушек. Взявшись за руки, парни плясали быстрый танец «аркан».

На лужке у берега играл на скрипке подросток в расшитом кожушке. Вокруг стояла толпа. На камне сидел и важно попыхивал длинной трубкой старик. По временам он поглаживал усы и говорил степенно:

— Глядите, четыре года парню, а как играет!..

— Каких четыре? — удивлялись кругом. — За четырнадцать перевалило!

— Четыре! — стоял на своём старик. — И мне четыре! Всему нашему краю только четыре года. Разве при чужеземцах, при панах да баронах мы жили? Не до песен, не до пляски было. Нет, недаром в сорок четвёртом году колокол Говерлы голос подал...

И тут старик рассказал нам любимую здешнюю сказку.

— Давным-давно, — начал он, — пустынная сейчас вершина горы Говерла была покрыта густым лесом. Ветер гудел в вековых деревьях, звенели горные водопады. Прислушивались люди и говорили: гудит-звонит наш волшебный колокол, счастье вещает. Но ворвались враги лютые, жечь стали сёла и города, в рабов обращать людей. По-другому, тревожно загудел тогда колокол Говерлы. Дым застилал небо — горели вековые леса.

Не слышно стало песен над Карпатами, — говорил старик, и глаза его блестели гневом. — Только свист плетей да окрики господ. «Ушёл наш заветный колокол, видно, в глубину родных гор», шла молва в народе. Говорили ещё, что ушли в подземные

хрустальные пещеры вслед за колоколом и семеро мудрых старцев-великанов. Знали они, как сладкий виноград вырастить, жирных овец выкормить, знали, где какие залежи в недрах таятся, — нельзя было, чтобы чужеземцы об этом доведались. И окаменели, в скалы вросли те старцы.

Долго-долго страдал народ, но знал: на Востоке, за Карпатами-горами, могучие братья живут, — продолжал старик. — Верил народ: помогут, придут — освободят. Тогда и колокол снова зазвонит, тогда и мудрые старцы-великаны раскаменеют — вернутся.

В сорок четвёртом году сбылось это, — сказал старик. — Загудели, загрохотали пушки в горах. Прислушались люди — и поняли: гудит-звонит наш колокол, пришло освобождение. Так и было: пришла родная наша Советская Армия. И будто заново родились мы все тогда.

— А старцы? — спросили мы.

— Старцы теперь все свои тайны людям раскрыли, — ответил старик. — Вышли наши великаны из подземных дворцов, что для народа сберегли-отстояли. Верно, Микола?

Все посмотрели на рослого плечистого юношу лет восемнадцати, с орденом Красной Звезды.

— Вот у него про то спросите: был подпаском, а теперь там хозяин, — кивнул на юношу старик с гордостью. — Да, может, слыхали про наше Солотвино?..

А на другой день Микола повёз нас смотреть подземные дворцы.

Мы вошли в небольшое деревянное здание. Деревянная клеть висела над ямой на тросе, уходившем кверху, к подъёмной машине.

— Садитесь, — пригласили нас.

Клеть пошла вниз, раскачиваясь и поскрёбывая гладкие серовато-голубоватые стены. Мигала карбидная лампочка. Мимо бежали вверх, этаж за этажом, какие-то большие полутёмные пустые проёмы. Но вот клеть глухо стукнулась о деревянный настил.

Несколько шагов — и мы очутились в огромных сказочных хоромах.

Ну, это был зал! Московский Большой театр поместился бы тут целиком. А главное — зал весь блестел: электрические лампы сияли, а стены, полукруглый свод и даже пол просвечивали, лучились, переливались, вспыхивали разноцветными искрами. Глаза разбегались, а тут, откуда ни возьмись, человек, у которого лицо, одежда, обувь тоже лучились и вспыхивали искорками. И нам показалось, что, отделившись от стены, ходит по своим чертогам мудрый старец из гуцульской легенды.

Сверкающий человек сказал:

— Я горный мастер, Тарас Назарович Ковач. Покажу вам...

Слова мастера заглушил грохот. Громкое эхо прибежало издалека и несколько раз повторило этот звук. Потом всё успокоилось, слышался только какой-то глухой шум.

— Врубовки, — коротко пояснил Тарас Назарович. — Вот это машины! Не руками работать!

Мы пошли за мастером по блистающим залам и переходам. Мастер продолжал рассказывать:

— Не то что при панах да баронах. С утра до ночи тяжелющей киркой стену долбили, а толку чуть: по кусочку откалупывали. И то всё равно господа отбирали!

Машина, которую увидели мы, ползла вдоль стены, как гигантский сказочный чёрный жук, с автомобиль ростом, и громко гудела. Это и была врубовая машина. Вертящимися зубьями-ножами она глубоко вгрызалась-врубалась в камень стены и ловко прорезала длинную узкую щель.

Раз! — наверху в стену вошли клинья. Удар молота — и белая полупрозрачная глыба с вагон величиной, переливаясь под ярким светом, откололась от стены и со страшным гулом обрушилась на пол.

Люди схватили электрические свёрла. Тихо жужжа, свёрла быстро ввинчивались в глыбу и дробили ее. Куски увозили на вагонетках.

— Хороша сольца? — с удовольствием сказал Тарас Назарович и по-хозяйски похлопал по искрящейся громадине.

Да, всё вокруг — пыль на лице мастера, глыбы, стены зала — всё это была, оказывается, обыкновенная соль!

Откуда же она тут взялась? Почему здесь её так много? Отчего она тверда, как камень, и прозрачна, как хрусталь?

В незапамятные времена на этом месте

тяжёлыми, большими волнами плескалось древнее солёное море. Время шло, море высыхало, и соль понемногу осаждалась на дно небольшими кристалликами. Миллионы лет выпадали на дно и росли новые и новые кристаллы, прозрачными слоями ложились они друг на друга, сверху на них давило море — много-много воды.

Так получился толстенный пласт каменной соли. В нём-то и были прорублены Солотвинские соляные копи. И мы стояли сейчас на дне, — нет под дном! — давно высохшего древнего моря.

Но это что за чёрточки, цифры, надписи, высеченные на поблескивающих стенах? Они уходили под самый свод. Кто лазил так высоко, зачем?

— Никто не лазил, — сказал мастер. — Когда-то с полу доставали.

— А вы тут давно работаете?

— Да метров тридцать будет!

— Как это метров? — удивились мы. — Лет, наверно?

Тарас Назарович усмехнулся в длинные усы. Он рассказал, что впервые пришёл в шахту мальчиком одиннадцати лет. И, как все солекопы, там, где начал долбить, сделал на стене свою зарубку. Годы шли. Люди вырубали соль, слой за слоем. Опускался пол.

— А теперь вон она где, моя отметина!— показал он вверх.

События в жизни шахты, посёлка были отмечены особенно крупно: год, месяц, число.

— А самое главное в нашей жизни — вот...

И старый солекоп повёл нас в зал, где мы увидели величественно возвышавшийся, вычеканенный в соляной скале профиль самого мудрого, самого дорогого человека на земле — товарища Сталина.

Профиль весь светился, от него во все стороны шли лучи, и казалось — великий вождь отечески улыбался. Ниже была вырублена выкрашенная в красный цвет дата: «Октябрь 1944 года».

— В октябре 1944 года, — рассказал Тарас Назарович, — перевалила через Карпаты Советская Армия. Фашисты, заслышав грохот советских пушек, давай улепётывать из Солотвина. С окрестных гор спустились партизаны: пастухи-гуцулы и вернувшиеся домой солекопы-солотвинцы. Услышали: фашисты, отступая, грозились взорвать и затопить копи.

— Как бы не так! — сказали партизаны и у всех входов расставили посты.

Смотрят: из одной шахты старичок какой-то в лохмотьях выбрался и бочком-бочком в посёлок. Караульные — к нему, видят: борода у него вроде поотстала.

Взял один партизан да как дёрнет! Вся борода в руке осталась. А фашист как завопит:

— Не трогайтє меня! Я сам во всём признаюсь!

Оказалось, он в шахте шесть мин заложил: все хитрые, с часовыми механизмами — как будильник, заведены. Рассказал, в каких местах. Посмотрел командир на часы: через час должны взорваться.

Бросились партизаны к входу. Клеть не ходит — электричества нет. Стали спускаться по запасным деревянным лестницам, — только и они не в порядке — подгнили. А путь не близкий — всё равно, что подряд в двадцать колодцев опуститься. Торопимся: где ступенек нехватает, по перилам съезжаем... Ну, как не поспеем?—взорвутся копи, рухнут залы, подземные воды хлынут...

Наконец внизу. Бежим по залам... Темно, тихо, только огоньки фонарей мелькают. Нашли одну мину. Сапёр осторожно капсюль вынимает. Обезврежена! Скорее дальше!

Вторая!.. Только двадцать минут осталось. Ага, третья! Но тут завалы пошли, — видно, положил мину фашист и гранатой проход к ней взорвал.

Пошли в дело ломы, застучали кирки... Четвёртая мина! Стучат, стучат кирки, летят обломки, пыль солёная вьётся, в горле саднит. Пятая! Старший всё на часы посматривает. Остаётся восемь минут.

Руки от усталости сводит, в глазах темнеет, а тут ещё соль на теле с потом смешалась: зудит всё тело, горит.

Прорубили щель... Вон она, мина, лежит. Взорвись она — всем конец. Только не об этом думалось: родные копи, народное богатство спасти нужно.

Ещё быстрей заходили кирки. Расширяется щель. Ещё, ещё немного!.. Нет, не протиснуться, не успеть... Сейчас взорвётся!

Тут-то мальчишка-партизан отстранил кирки и ломы, бросился в пролом. Как ящерица, протиснулся между острых обломков, схватил металлический цилиндр, выполз, протянул партизану-сапёру.

Тихо-тихо стало вокруг. Стоят люди, молчат, не шелохнутся. Все на мину смотрят. А сапёр из неё взрывной капсюль вывинчивает. Старательно и будто спокойно работает, а сам бледный-бледный. На лбу жилы вздулись, по щеке большущая капля пота ползёт. И когда только один миг остался до срока, вынимает капсюль.

Все перевели дух.

И вдруг издалека грохот. Вздрогнули партизаны. Неужели ещё мина была?

Вот опять загрохотало... Да ведь это же эхо принесло сверху грохот советских танков, звук артиллерийского салюта. Советские войска шли по посёлку!..

— Вышли мы наверх, — рассказывал мастер, — с нашими партизанскими бородами, и до того пропылённые — на соляные глыбы смахивали. Народ всё пленистый, рослый. Толпа увидала нас и зашумела: старцы-великаны вышли, подземные хозяева...

Ну, побрились, помылись — и помолодели. А хозяева — это точно. Откачали воду, почистили шахты. Собрались — и всем миром решили: вырубить на стене в том зале, где последняя мина была, портрет отца и учителя нашего. А там — и за работу! Наше ведь теперь!

Тарас Назарович нагнулся, взял правильный четырёхугольный брусок соли и любовно подкинул его на ладони.

— Каждый день два полных поезда грузим, — сказал он. — Вот машины что делают! Вот стахановский труд что значит! А к концу пятилетки и по три поезда будем давать... Возьмите-ка, — протянул он нам брусок, — на память о дворцах стахановских!

— Спасибо! — сказали мы, принимая подарок, и спросили: — А мальчик где же, который последнюю мину достал?

— Солекопом стал. Работает — не нахвалимся. А за мину его орденом наградили. Да вот он!

Тут мы увидели старого знакомца Миколу. Он ловко орудовал электросверлом.

Целые поезда соли, размолотой из таких брусков, идут из Солотвина по необъятным просторам нашей родины. Везут они соль на заводы и фабрики, на рыбные и охотничьи промыслы, в больницы, магазины, пекарни.

Долго ещё потом вспоминали мы чудесные подземные залы. День и ночь грызут там соляные стены умные машины в руках тружеников. И приветливо улыбается хозяевам сверкающего дворца портрет с прозрачной лучащейся скалы.

НИНА НАЙДЁНОВА

ДЕЖУРНАЯ

Сегодня я дежурная,
Дежурю первый раз.
Я доску вытирала,
Проветривала класс.

Я целый день работала,
Устала под конец.
Сказала Анна Павловна:
— Ну что за молодец!

Заботилась о тряпке,
Заботилась о мелe,
Следила, чтобы девочки
Не очень-то шумели.

Какие парты чистые,
Как чисто на полу!
Зато сама дежурная
В чернилах и в мелу!

Рис. автора

А. ДЕНЬШИН

МАСТЕРА ДЫМКОВСКОЙ ИГРУШКИ

— Посадил дед репку. Выросла репка большая-пребольшая. Стал дед репку тянуть. Тянет-потянет, вытянуть не может, —

неторопливо рассказывает детям сказку бабушка Елизавета Александровна.

Рассказывая, она что-то лепит из глины. Вот кургузая большая репка, в забавной шляпе дедко, суетливая бабка, бойкая внучка, лохматая Жучка, кошка Машка и чуть заметная серенькая мышка. Все они разместились на глиняной дощечке.

— Вон стадо коров погнали на луга, — посмотрев в окно, говорит Елизавета Александровна. — Дай-ка я его вылеплю. — И в её проворных руках сырая глина быстро превращается в игрушку «Колхозное стадо».

Много игрушек за свою жизнь сделала Елизавета Александровна. Живёт она в слободе Дымково, недалеко от города Кирова. Когда из города с высокой горы смотришь на маленькие избушки, притулившиеся к низкому берегу у самой Вятки-реки, одни только дымки видно: поэтому и называется эта слобода Дымково.

Слобода Дымково с давних пор известна своими ярко раскрашенными, с позолотой, глиняными игрушками. Любят дети эти игрушки.

Часто пионеры города Кирова приходят посмотреть на работу дымковских мастеров, полюбоваться красивыми игрушками. Любят они приходить к Елизавете Алексан-

дровне: она и сказку расскажет, и игрушки всякие покажет. Каких только игрушек у неё нет! И куклы, и свистульки, и птицы, и звери, и сказки разные! Все они сделаны руками Елизаветы Александровны и ее учениц.

С незапамятных времён идёт это русское искусство; от прадедов и дедов передаётся в Дымкове мастерство И сейчас у старых мастеров учится молодёжь этому красивому и радостному искусству.

Здесь вы видите и работы молодой мастерицы Екатерины Иосифовны Косс: «Иван-царевич с царевной и Жар-птицей», «Дед Мазай и зайцы».

Тяжёлой была жизнь дымковских мастеров в старое время. Круглый год они делали игрушки. Тучей наезжали в Дымково всякие торгаши-спекулянты, покупали их по 30 копеек за сотню и развозили по сельским ярмаркам. Плохо жилось дымковским игрушечникам. Поэтому совсем стало замирать их мастерство. Только Великая Октябрьская социалистическая революция раскрепостила их труд.

— По-новому мы стали жить теперь, — говорит Елизавета Александровна. — Наград, почёту нам, старухам, стало много, работаем с радостью, не как в старину. Вспоминать не хочется то время — в нищете, бедности пропадали.

Игрушки, сделанные дымковскими мастерами, известны не только у нас в Советском Союзе, но и в других странах.

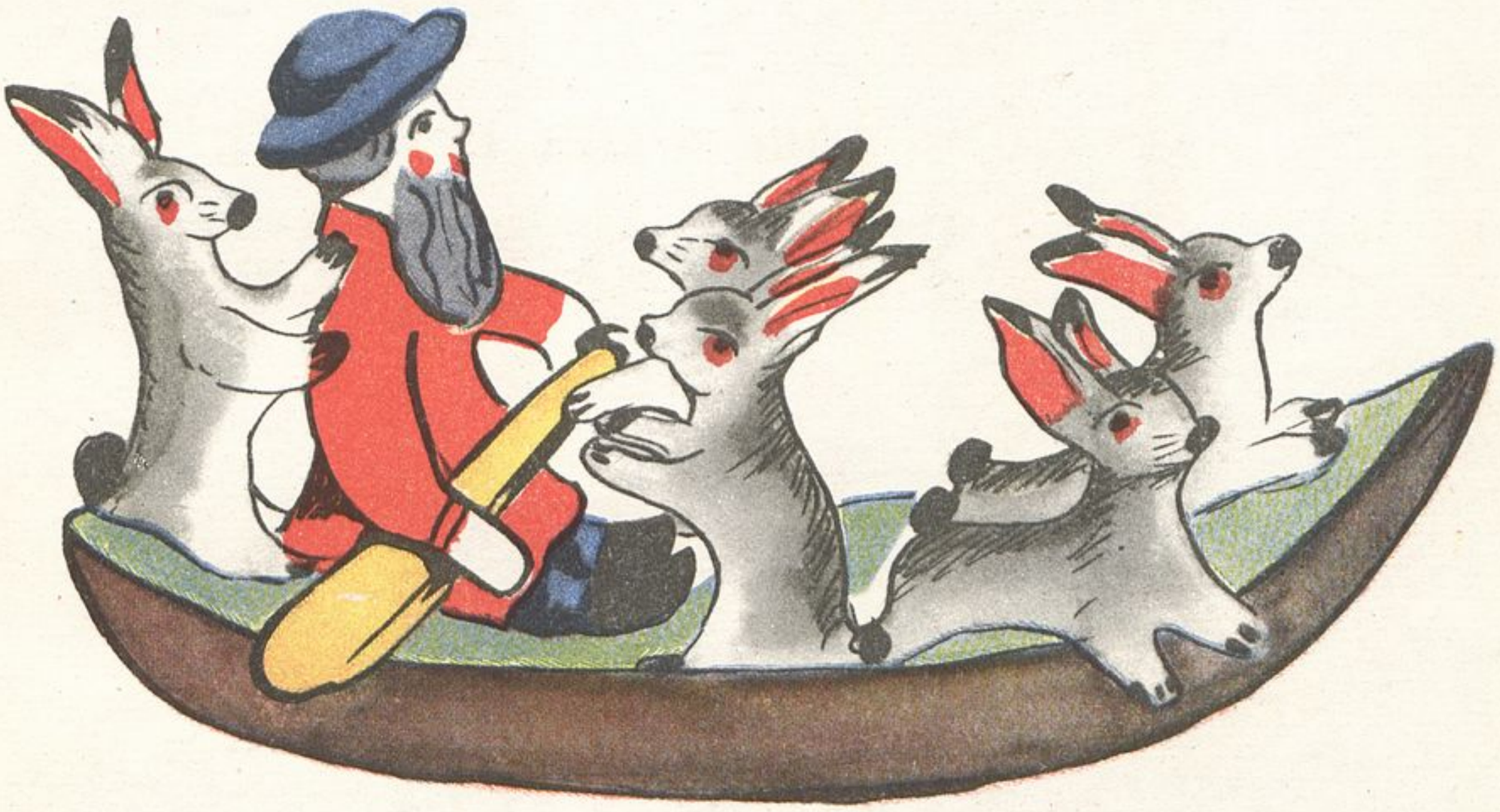


Рисунок на обложке А. Ермолаева.

Редколлегия: А. БАРТО, О. БЕДАРЕВ (редактор), А. ЕРМОЛАЕВ, Л. ИЛЬИНА, В. ЛЕБЕДЕВ, С. МАРШАК, С. МИХАЛКОВ, Л. ПАНТЕЛЕЕВ.

Рукописи не возвращаются

Техн. редактор З. В. ТЫШКЕВИЧ

Год издания двадцать пятый

Цена 1 руб.

Изд-во ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия»

Адрес редакции: Москва, Сущёвская ул., 21. Тел. Д-3-20 90, доб. 1-06.

Подписано к печати 19/IX 1948 г. А05296. Объем 3 печ. л. 2,8 уч.-изд. л., 33 000 зн. в печ. л.

Тираж 105 000 экз. Заказ 1548.

фабрика им. Дунаева зак. 754 – Д

8720

РУССКИЕ НАРОДНЫЕ ЗАГАДКИ

Десять мальчиков, у каждого свой чуланчик.

С бородой, а не старик; лыко дерёт, а лаптей не плетёт.

Четыре братца под одной крышей стоят.

У кого уши есть, а не слышит.

Конь стальной, хвост льняной.

На улице скамейкой, в избе калачом.

Кругла, а не месяц, зелена, а не веник, хвост есть, а не мышь.

Шёл долговяз, в сыру землю увяз.

13 ОКТ. 1948